

The background is a dark, mottled green and black texture, resembling a wall or a large piece of old, weathered metal. In the lower-left foreground, there is a large, curved, rusted metal object, possibly a dome or a large helmet, with a surface covered in green and brown patina. The overall mood is somber and historical.

100

ВЕЛИКИХ
ЗАГАДОК
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

Олег Сергеевич Смыслов
100 великих загадок Великой
Отечественной войны
Серия «100 великих (Вече)»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70931155
Сто великих загадок Великой Отечественной войны:
ISBN 978-5-4484-9050-7*

Аннотация

Великой Отечественной войну 1941—1945 гг. назовут гораздо позже, но не для того, чтобы отличать ее от войны 1812-го, а потому, что она действительно была Великой и одной из самых страшных, жестоких и кровопролитных войн в истории России.

Книга военного историка Олега Смылова посвящена ста наиболее памятным и важным эпизодам прошедшей войны. Автор рассказывает о подвигах и предательствах, о катастрофах и победах, об удивительном мужестве, организованности, сплоченности и находчивости нашего народа во время великих испытаний.

Почти каждый эпизод книги – это своеобразная попытка избавления от мифов, разоблачение лжи и стремление к установлению истины.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От автора	5
Накануне. Установки Сталина	7
Естественный отбор	18
Последний защитник Брестской крепости	29
Где был Сталин два дня сорок первого?	38
Почему Сталин выступил только 3 июля?	49
Налеты на Москву	55
Налеты на Берлин в сорок первом	65
Иранская операция	78
Малоизвестный контрудар	88
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Олег Сергеевич Смыслов
Сто великих
загадок Великой
Отечественной войны

© Смыслов О.С., наследники, 2024

© ООО «Издательство «Вече», 2024

От автора

Выступая по радио 3 июля 1941 года, Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин назвал войну советского народа против немецко-фашистских войск Отечественной войной. Безусловно, это название родилось по аналогии с Отечественной войной 1812 года и было официально закреплено в 1942-м с учреждением ордена «Отечественной войны» двух степеней.

Великой Отечественную войну 1941–1945 гг. назовут гораздо позже, но не для того, чтобы отличать ее от войны 1812-го, а потому что она действительно была Великой. В русском языке слово «великий» означает очень большой, громадный, огромный, превышающий обычную меру, сравнительно с другими обширный и т. д. А ведь еще тогда, в июле сорок первого, И. Сталин в своем первом обращении к народу пояснил: «Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма». Но помимо достигнутой цели, Великая Отечественная война была одной из самых страшных, жестоких и кровопролитных войн в истории России.

Эта книга рассказывает о Великой Отечественной войне, укладываясь в рамки лишь ста ее эпизодов. В ней запечат-

лен каждый военный год, где нашлось место не только солдатам, генералам и маршалам, не только подвигам и предательствам, не только катастрофам и победам, но и некоторым образцам боевой техники того времени, а также военной каске, боевому уставу пехоты, атаке, погоням, орденам и питанию. Почти каждый эпизод – это попытка избавления от мифа, разоблачение лжи и стремление к установлению истины.

География же книги многогранна, как многогранна сама война и жизнь человека на войне. Поэтому неудивительно, что многие эпизоды в ней посвящены людям, которых мы увидим на самом ее «дне» в добре и зле, духовном взлете и нравственном падении. Просто в отличие от художественной литературы, здесь все натурально и правдиво и до поры до времени загадочно. Например, почему Сталин выступил только 3 июля 1941 года? Почему у Зои Космодемьянской было две казни? Кого на фронте называли «НАРКОМЗДРАВом»? Какой подвиг совершила «Молодая гвардия»? Каким было самое грозное оружие Победы? Какой вклад в Победу внесли партизаны? Какую стрелковую дивизию нарекли «замерзшей»? Какую военную тайну всю жизнь хранил известный вор в законе? Кто пленил фельдмаршала Паулюса? Сколько боевых вылетов совершил Василий Сталин? Кто добыл Сталину план «Цитадель»? Сколько было генералов у Сталина? Как и почему Вольф Мессинг помог фронту? Какую стратегическую операцию называют «неклассической»? И так от начала войны до Парада Победы!

Накануне. Установки Сталина

Не так давно исполнилось 75 лет с начала Великой Отечественной войны. И как совершенно точно подмечает историк Л. Максименков, встретили мы эту дату без особого шума: «Все концепции и позиции давно известны: “Сталин знал” – “Сталин не знал”; “СССР готовился – не готовился”. И все это в рамках двух ключевых версий: традиционной советской (о вероломном нападении гитлеровской Германии) и нетрадиционной перебежчика Виктора Суворова (о том, что Сталин сам готовил нападение на Германию)».

А тема эта, надо сказать, наисложнейшая...

В 1964 году Маршал Советского Союза Ф.И. Голиков (с июля 1940 г. – начальник Главного разведывательного управления РККА) написал Н.С. Хрущеву письмо, в котором информировал Первого секретаря ЦК КПСС о своем намерении работать над книгой о советской военной разведке накануне войны и фактически просил на это его разрешения.

Но Хрущев не одобрил замысла Голикова...

И все-таки мог ли советский вождь стать жертвой широкомасштабной дезинформации, ибо имея неопровержимые свидетельства о подготовке агрессии против СССР, он будто бы до конца так в нее и не поверил?

С одной стороны, «Иосиф Сталин достаточно знал о заку-

лисных делах, в том числе о механизмах развязывания Первой мировой войны, – считает В. Шамбаров. – Во многом этим объясняется его поведение накануне грозных событий. Убедившись в лживости, двурушничестве Англии и Франции, Сталин расторг альянс с ними, стал наводить мосты с немцами. В противоположность последнему русскому императору, не объявлял мобилизацию, приказывал “не поддаваться на провокации”. Гитлер же, по сути, реализовал старый “план Шлиффена”, примененный в предыдущей войне и предусматривавший сначала разгром западных противников, а затем переброску сил на восток».

А с другой, «Красная армия значительно уступала вермахту в отоброулизованности, и это было обусловлено объективными причинами, – констатирует доктор технических наук В. Литвиненко. – СССР в подготовке к войне отставал от Германии примерно на четыре года: Гитлер объявил всеобщую воинскую повинность с 1 марта 1935-го, а экономика СССР дала возможность это сделать лишь с 1 сентября 1939-го. В 1939 году вермахт насчитывал 4,7 миллиона человек, а Красная армия – в 2,5 раза меньше (1,9 млн). В течение 1939–1941 годов численность РККА возросла втрое (до 5,8 млн на 22 июня 1941-го). За этот срок просто физически невозможно было выучить ее для ведения современной маневренной войны с опытнейшим противником. Сталин трезво оценивал возможности Красной армии. На совещании начальствующего состава 17 апреля 1940 года, по-

священном обобщению опыта боевых действий против Финляндии, он отмечал: «Культурного, квалифицированного и образованного командного состава нет у нас или есть единицы... Требуются хорошо сколоченные и искусно работающие штабы. Их пока нет у нас... Затем для современной войны требуются хорошо обученные, дисциплинированные бойцы, инициативные. У нашего бойца не хватает инициативы. Он индивидуально мало развит. Он плохо обучен...» Именно поэтому Сталин стремился оттянуть начало войны. Он считал, что Красная армия будет способна на равных бороться с вермахтом не ранее середины 1942 года».

И.В. Сталин говорил, что война подкрадывается незаметно и начнется внезапным нападением

Надо сказать, что Сталин никаких иллюзий относительно Гитлера не питал. И в той политической игре абсолютно все движения были куда сложнее и масштабнее, чем мы можем себе представить сегодня. Возьмем хотя бы секретную миссию заместителя Гитлера Рудольфа Гесса, когда 10 мая 1941-го он совершил свой знаменитый полет в Британию. Ведь тогда третье лицо в иерархии Третьего рейха при-

вез с собой мирное соглашение, по которому все германские войска в обмен на нейтралитет Британии должны были сосредоточиться на Востоке для нападения на СССР. Однако Гесса арестовали, и миссия не была им выполнена.

По логике вещей фюрер не мог развернуться против Советского Союза, не покончив с Англией. Однако тот все же начал войну на Востоке и, как говорил фельдмаршал Паулюс, «экономические предпосылки для ведения которой он намеревался создать лишь за счет захвата страны противника». Причем «в этой войне были заинтересованы лишь те силы, которые в 1932 году привели его к власти. Теперь они предъявили ему вексель и потребовали оплатить его нефтью и рудой».

Тот же фельдмаршал Паулюс подчеркивал, что «главным вопросом “установления нового порядка” в Европе был разгром Советского Союза. Пакт о ненападении, который он заключил с Советским Союзом в августе 1939 года, естественно, рассматривался им с самого начала лишь как маскировка и средство к достижению цели».

Сталин прекрасно знал об этом, но продолжал вести дипломатическую игру. Он все-таки пытался оттянуть время. Например, еще 15 января 1941 года на совещании в Кремле, где вождь собрал командующих войсками округов, он особо подчеркнул: «Война подкрадывается неаметно и начнется внезапным нападением, без объявления войны» (*А.И. Еременко. Дневники*).

Один из руководителей разведки в те годы генерал П.А. Судоплатов свидетельствует: «Еще в 1937 году нашей разведкой под руководством заместителя начальника ИНО НКВД Шпигельгласа были добыты важные документальные сведения об оперативно-стратегических играх, проведенных командованием рейхсвера (позже вермахта). Этим документам суждено было сыграть значительную роль в развитии событий и изменении действий нашего руководства перед германо-советской войной. После оперативно-стратегических игр, проводившихся фон Сектом, а затем Бломбергом, появилось “завещание Секта”, в котором говорилось, что Германия не сможет выиграть войну с Россией, если боевые действия затянутся на срок более двух месяцев и если в течение первого месяца войны не удастся захватить Ленинград, Киев, Москву и разгромить основные силы Красной Армии, оккупировав одновременно главные центры военной промышленности и добычи сырья в европейской части СССР.

Думаю, что итоги упомянутых оперативно-стратегических игр явились также одной из причин, побудивших Гитлера выступить в 1939 году с инициативой заключения пакта о ненападении. Знаменательно, однако, что зондажные подходы к советскому руководству по осуществлению этой идеи немцы предпочли осуществить не по линии разведки, а по дипломатическим каналам через своего посла в Турции фон Папена еще в апреле 1939 года.

В круг моих обязанностей входило курирование немецко-

го направления нашей разведки, непосредственно возглавляемого в 1938–1942 годах майором госбезопасности (позднее генерал-майор) Журавлевым. Руководство всегда придавало немецкому направлению особо важное значение. В 1940–1941 годах наша резидентура в Берлине хотя и возглавлялась неопытным работником Амаяком Кобуловым, тем не менее действовала активно.

Разведывательные материалы из Берлина, Рима, Токио, что подтверждают и обнародованные ныне архивные документы, регулярно докладывались правительству. Однако руководство разведки не было в курсе, что после визита Молотова в ноябре 1940 года в Берлин начались секретные переговоры с Германией. Таким образом, очевидная неизбежность военного столкновения вместе с тем совмещалась с вполне серьезным рассмотрением предложений Гитлера о разграничении сфер геополитических интересов Германии, Японии, Италии и СССР.

Лишь теперь мне очевидно, что зондажные беседы Молотова и Шуленбурга, посла Германии в СССР, в феврале – марте 1941 года отражали не только попытку Гитлера ввести Сталина в заблуждение и заставить его врасплох внезапной агрессией, но и колебания в немецких верхах по вопросу о войне с Советским Союзом до победы над Англией. Получаемая нами информация и дезинформация от латыша, сотрудничавшего с гестапо, отражала эти колебания. Именно поэтому даже надежные источники, сообщая о ре-

шении Гитлера напасть на СССР (донесения Харнака, Шульце-Бойзена, жены видного германского дипломата (кодовое имя “Юна”), близкого к Риббентропу) в сентябре 1940 – мае 1941 года, не ручались за достоверность полученных данных и со ссылками на Геринга увязывали в той или иной мере готовящуюся агрессию Гитлера против СССР с возможной договоренностью о перемирии с англичанами.

К сожалению, правильный вывод об очевидной подготовке к войне на основе поступавшей информации мы связывали также с результатами якобы предстоящих германо-советских переговоров на высшем уровне по территориальным проблемам, а согласно сообщениям из Англии (Филби, Кэрнкросс и другие) и с возможным урегулированием вопроса о прекращении англо-германской войны. Мне трудно судить, насколько в действительности Гитлер всерьез думал договориться со Сталиным. Помнится, что поступали также данные о том, что Риббентроп последовательно, вплоть до окончательного решения Гитлера, выступал против войны с Россией, во всяком случае до тех пор, пока не будет урегулировано англо-германское военное противостояние.

Хотя Сталин с раздражением относился к разведывательным материалам, вместе с тем он стремился использовать их для того, чтобы предотвратить войну путем секретных дипломатических переговоров по территориальным вопросам, а также – это поручалось непосредственно нам – для доведения до германских военных кругов информации о неизбеж-

ности для Германии длительной войны с Россией. Акцент делался на то, что мы создали на Урале военно-промышленную базу, неуязвимую для немецкого нападения.

Окончательное решение о нападении Гитлер принял 14 июня 1941 года, на следующий день после того, как немцам стало известно заявление ТАСС о несостоятельности слухов о германо-советской войне. Интересно, что заявление ТАСС сначала было распространено в Германии и лишь на второй день опубликовано в “Правде”.

К сожалению, наша разведка, как военная, так и политическая, перехватив данные о сроках нападения и правильно определив неизбежность близкой войны, не спрогнозировала ставку гитлеровского командования на тактику блицкрига. Это была роковая ошибка, ибо ставка на блицкриг указывала на то, что немцы планировали свое нападение независимо от завершения войны с Англией».

Как точно подмечает доктор исторических наук В. Лота, «в политике советского правительства в отношениях с Германией до конца 1940 года и в первой половине 1941 года продолжали доминировать установки И.В. Сталина, которые пытался на дипломатическом фронте реализовывать В.М. Молотов». А как известно, положение Молотова и начальника военной разведки в той системе были просто несоизмеримы!

Любопытно, что в августе 1953 года генерал П.А. Судоплатов в объяснительной записке в Совет Министров СССР

писал:

«Докладываю о следующем известном мне факте.

Через несколько дней после вероломного нападения фашистской Германии на СССР, примерно числа 25–27 июня 1941 года, я был вызван в служебный кабинет бывшего тогда народного комиссара внутренних дел СССР Берия.

Берия сказал мне, что есть решение Советского правительства, согласно которому необходимо неофициальным путем выяснить, на каких условиях Германия согласится прекратить войну против СССР и приостановит наступление немецко-фашистских войск. Берия объяснил мне, что это решение Советского правительства имеет целью создать условия, позволяющие Советскому правительству сманеврировать и выиграть время для собирания сил. В этой связи Берия приказал мне встретиться с болгарским послом в СССР Стаменовым, который, по сведениям НКВД СССР, имел связи с немцами и был им хорошо известен. <...>

Берия приказал мне поставить в беседе со Стаменовым четыре вопроса. Вопросы эти Берия перечислял, глядя в свою записную книжку, и они сводились к следующему:

1. Почему Германия, нарушив пакт о ненападении, начала войну против СССР.
2. Что Германию устроило бы, на каких условиях Германия согласна прекратить войну, что нужно для прекращения войны.
3. Устроит ли немцев передача Германии таких совет-

ских земель, как Прибалтика, Украина, Бессарабия, Буковина, Карельский перешеек.

4. Если нет, то на какие территории Германия дополнительно претендует.

Берия приказал мне, чтобы разговор со Стаменовым я вел не от имени Советского правительства, а поставил эти вопросы в процессе беседы на тему о создавшейся военной и политической обстановке и выяснил также мнение Стаменова по существу этих четырех вопросов.

Берия сказал, что смысл моего разговора со Стаменовым заключается в том, чтобы Стаменов хорошо запомнил эти четыре вопроса.

Берия при этом выразил уверенность, что Стаменов сам доведет эти вопросы до сведения Германии...» (Архив президента РФ.Ф. 3. Оп. 24. Д. 465. Л. 204–208.)

Так что это было, зондаж для последней попытки остановить германскую военную машину или?..

Естественный отбор

Широко известная директива «Военным советам ЛВО, ПРИБОВО, ЗАПОВО, КОВО, ОДВО № 2» была отправлена адресатам 22 июня 1941 г. в 7 ч. 15 мин. Войсками Ленинградского военного округа с января 1941 г. командовал генерал-лейтенант М.М. Попов (37 лет), войсками Прибалтийского Особого военного округа с декабря 1940 г. генерал-полковник Ф.И. Кузнецов (42 года), войсками Западного Особого военного округа с июня 1940 г. генерал армии Д.Г. Павлов (43 года), войсками Одесского военного округа с января 1941 г. генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов (48 лет), войсками Киевского Особого военного округа с февраля 1941 г. генерал-полковник М.П. Кирпонос (49 лет).

Все они в разные годы получили высшее военное образование. Например, генерал Попов Военную академию им. Фрунзе окончил в 1936 году, генерал Кузнецов – в 1926-м, генерал Павлов – в 1928-м, генерал Кирпонос – в 1927-м, генерал Чибисов – в 1935-м.

Из пяти командующих приграничными округами только трое принимали участие в Первой мировой войне, при этом все они были участниками Гражданской войны. Генерал Попов воевал красноармейцем. Генерал Кузнецов командовал ротой, батальоном и полком. Генерал Павлов – взводом, эскадронам, был помощником командира полка. Генерал Кир-

понос – ротой, батальоном, был начальником штаба, помощником командира и командиром стрелкового полка. Генерал Чибисов – ротой, батальоном, полком, был помощником начальника и начальником штаба стрелковой бригады.

Все они выросли в межвоенный период, а выдвинулись в конце 30-х годов, в период так называемых сталинских репрессий. Например, М.М. Попов в июне 1938 года назначается на должность заместителя командующего, с сентября – начальник штаба, с июля 1939 г. командующий 1-й Отдельной Краснознаменной армией на Дальнем Востоке. Ф.И. Кузнецов в июле 1938 г. назначается на должность заместителя командующего войсками Белорусского Особого военного округа. В июле 1940-го он начальник Академии Генштаба, а в августе уже командующий войсками Северо-Кавказского округа. Д.Г. Павлов в ноябре 1937 г. назначается на должность начальника Автобронетанкового управления РККА. М.П. Кирпонос в декабре 1939 г. назначается на должность командира 70-й стрелковой дивизии. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1940 года ему присвоено звание Героя Советского Союза. В апреле 1940 г. Кирпонос назначен на должность командира 49-го стрелкового корпуса, а в июне – командующего войсками Ленинградского военного округа. Н.Е. Чибисов в 1937 г. назначен командиром стрелковой дивизии, в марте 1938-го – командиром 4-го стрелкового корпуса. В период 1938–1940 гг. – начальник штаба Ленинградского военного округа. Во вре-

мя советско-финской войны – начальник штаба 7-й армии. С июля 1940 года – заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа.

Из пяти командующих приграничными военными округами успешным военачальником оказался один лишь генерал

С началом Великой Отечественной войны Маркиан Михайлович Попов командовал войсками Северного фронта, Федор Исидорович Кузнецов – Северо-Западного фронта, Дмитрий Григорьевич Павлов – Западного фронта, Михаил Петрович Кирпонос – Юго-Западного фронта, а Никандр Евлампиевич Чибисов продолжал командовать Одесским военным округом, на базе управления и войск которого была развернута 9-я отдельная армия. Если так можно сказать, то ему повезло больше всех, ибо в отличие от остальных, Чибисову не пришлось командовать фронтом и взять на себя ту огромную ответственность, которую взвалили на свои плечи все остальные командующие. Дело в том, что для обороны Одессы 6 июля 1941 г. была создана Приморская группа войск Южного фронта, для формирования которой и ушла часть сил и средств Одесского округа.

22 июля 1941 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила генерала армии Павлова к смертной казни с конфискацией имущества и лишением воинского звания.

20 сентября 1941 года сводная колонна штабов Юго-Западного фронта и 5-й армии подошла к хутору Дрюковщина, находящемуся в 15 км юго-западнее Лохвицы, где была атакована главными силами немецкой 3-й танковой дивизии. А вечером одна из немецких мин разорвалась возле гене-

рал-полковника Кирпоноса. Он был ранен в грудь и в голову, а через 2 минуты скончался.

30 июня 1941 года генерал-полковник Кузнецов был снят с должности командующего войсками Северо-Западного фронта. Впоследствии он командовал армиями, войсками Центрального фронта, 51-й армией, оборонявшей Крым. Был начальником штаба 28-й резервной армии, заместителем командующего войсками Западного фронта, командующим 61-й армией, начальником Высшей военной академии им. Ворошилова, заместителем командующего войсками Волховского и Карельского фронтов. А с февраля 1945 г. до 1948 года командовал войсками Уральского военного округа. Затем был уволен в отставку. Умер в 1961 году в Москве.

В сентябре 1941 года Герой Советского Союза (1943), генерал-полковник (1943) Чибисов был назначен заместителем, а затем командующим войсками Брянского фронта. В августе 1942-го – командующим 38-й армией. С ноября 1943-го командовал 3-й ударной армией, с апреля 1944-го – 1-й ударной армией, а с 1944-го – Военной академией им. Фрунзе. До увольнения в запас в 1954 году Никандр Евлампиевич был заместителем председателя ЦК ДОССАФ (с марта 1949 г.), а с октября 1949 года – помощником командующего войсками Белорусского военного округа.

С ноября 1941 года генерал-лейтенант Попов командовал армиями в Московской битве и Воронежско-Вороши-

ловградской оборонительной операции. С июля 1942-го – заместитель командующего войсками Сталинградского и Юго-Западного фронтов. С апреля 1943-го командовал войсками Резервного, затем Степного военных округов. С июня – командующий войсками Брянского, а с октября – Прибалтийского (затем 2-го Прибалтийского) фронтов. В апреле 1944 г. был понижен в звании с генерала армии на одну ступень (восстановлен в 1953 г.) и назначен начальником штаба Ленинградского фронта. После войны командовал войсками Львовского и Таврического округов, был заместителем начальника и начальником Главного управления боевой подготовки, начальником Главного штаба – 1-го заместителя Главнокомандующего Сухопутными войсками. Трагически погиб в 1969 году. Герой Советского Союза (1965).

Таким образом, из пяти командующих приграничными военными округами успешным военачальником оказался один лишь генерал М.М. Попов. Во-первых, он неплохо себя показал на защите Ленинграда. Во-вторых, 62-я армия под его командованием в Московской битве, как свидетельствовал Ф.Д. Свердлов, «добилась значительных успехов... На этой должности особенно ярко проявилось его дарование. Он умел быстро и глубоко оценивать обстановку, что позволяло предвидеть характер действий противника, решать поставленные боевые задачи, проявляя при этом исключительную целеустремленность, самостоятельность и твердость, находить новые, неожиданные для противника формы

борьбы». В-третьих, еще ярче проявился полководческий талант М.М. Попова, когда он стал командующим войсками Брянского фронта: «смелый и решительный маневр крупных сил во фланг и тыл группировки противника, упреждение врага в осуществлении замыслов, внезапные удары по уязвимым местам, решительное, параллельное преследование врага, навязывание ему своей воли» и т. д.

Ничего подобного нельзя сказать об остальных. И это притом, что все командующие получили академическое образование и имели достаточно солидный послужной список. Но что интересно, все они кроме М.М. Попова были выдвинуты на высшие должности, не имея для этого достаточного опыта. Например, генерал Чибисов с 1922 г. по 1937 г. прослужил исключительно на штабных должностях в звене дивизия – корпус. Только в 1937 году ему доверили командовать стрелковой дивизией. Генерал Павлов с должности командира танковой бригады сначала был назначен начальником Автобронетанкового управления РККА, а затем сразу командующим войсками округа. Генерал Кирпонос только в 1939 году был назначен на должность командира стрелковой дивизии, в апреле 1940-го – командиром корпуса, а затем сразу же командующим войсками округа. Генерал Кузнецов вообще с 1930 по 1938 год проходил службу в системе военно-учебных заведений и с должности (и.д.) начальника кафедры общей тактики и начальника тактического цикла Военной академии РККА им. Фрунзе получил назначение за-

местителем командующего войсками военного округа.

М.М. Попов с июня 1938 г. по январь 1941 г. прослужил на Дальнем Востоке на должностях заместителя командующего 1-й Краснознаменной армии, начальника штаба и командующего 1-й Отдельной Краснознаменной армией. Важными этапами в его становлении как будущего военачальника, безусловно, стало прохождение должностей начальника штабов моторизованного отряда стрелковой дивизии, отдельной механизированной бригады и механизированного корпуса. При этом огромным плюсом генерала Попова была его молодость и безусловный талант.

В отличие от Попова, в генерале Чибисове, маршале Советского Союза К.К. Рокоссовского смущала «неторопливость, пожалуй, даже флегматичность». Были им недовольны генералы Ватутин и Еременко. Последний его и отправил с фронта в Москву в 1944 году.

За генералом Кузнецовым отмечали любовь к «засиживанию в учебных классах и тактических кабинетах». Как свидетельствовал генерал Н.М. Хлебников, тактикой у него «занимались преимущественно в кабинетах и классах на ящиках с песком. В поле, на практические занятия, войска выводились редко. Такая постановка дела не могла не сказаться на других, тоже весьма важных вопросах боевой подготовки». Возможно, поэтому его обычно снимали и отстраняли именно за неумелое управление войсками.

Генерала Кирпоноса считали безупречно смелым и реши-

тельным человеком, но, как вспоминал генерал Н.К. Попель, «он еще не созрел для такого поста. Об этом мы не раз говорили спокойно, не усматривая здесь в мирное время большой беды, забывая, что приграничный округ с началом боевых действий развернется во фронт». Маршал К.К. Рокоссовский, наоборот удивился резко бросающейся растерянности Кирпоноса: «Создавалось впечатление, что он или не знает обстановки, или не хочет ее знать. В эти минуты я окончательно пришел к выводу, что не по плечу этому человеку столь объемные, сложные и ответственные обязанности, и горе войскам, ему вверенным...»

До сих пор считается, что генерал Павлов стал козлом отпущения за допущенные просчеты в оценке исходящей от Германии военной опасности. Якобы на него и переложили вину за массовое поражение Красной армии в первые дни войны. Однако, как подчеркивал в мемуарах Н.С. Хрущев, «...если рассматривать вопрос с точки зрения юридической и фактической, на чем основывался суд, когда выносил приговор, то основания к осуждению были налицо». Ведь генерал Павлов и его заместители все-таки были осуждены по статье «неисполнение своих должностных обязанностей», а не «измена Родине».

Именно такой и была арифметика военачальников, когда из числа двадцати четырех человек, которые назначались командующими войсками фронтов в 1941 г., только пятеро оказались в числе командующих фронтами на завершающем

этапе войны. Словом, обыкновенный естественный отбор.

Последний защитник Брестской крепости

В тот роковой день в Брестской крепости майор Гаврилов оказался случайно.

«В субботний вечер 21 июня, – вспомнит командир 44-го полка, – я приехал проведать больную жену и сынишку. Но провести с ними воскресный день мне уже не было суждено. На рассвете дрогнула земля, и мы проснулись от невообразимого шума и грохота: это рвались вражеские снаряды и авиабомбы.

Попрощавшись с семьей и наказав им укрыться где-нибудь в подвале, я кинулся в штаб, где хранились знамя полка и секретные документы. Однако войти туда не удалось, все здание, находившееся в самом центре крепости, было объято пламенем».

Он оставил семью с первыми взрывами снарядов, успев лишь сказать жене: «Одевай Колю, и уходите в убежище!»

«В предрассветной полутьме, среди густой пелены дыма и пыли я с трудом собрал человек двадцать из своих подразделений и бросился с ними к северной части крепости, – спустя годы напишет майор. – Здесь у Северных ворот, которые вели на окраину Бреста, должен был сосредоточиться при боевой тревоге полк, которым я командовал. Но крепость уже

была окружена гитлеровскими войсками и отрезана от города.

Вражеские стрелки и автоматчики, залегшие на валу у Северных ворот, вели непрерывный огонь. Нужно было принимать срочные меры, чтобы не допустить их в крепость. В это время мне донесли, что на левой стороне от Северных ворот, там, где располагался 1-й батальон моего полка, в укрытиях находится много бойцов из разных частей. Большинство из них, выбегая из объятых огнем зданий, все же сумело захватить с собой оружие и боеприпасы. Среди солдат находились и два лейтенанта. Я немедленно решил взять на себя командование этим отрядом. Разбил бойцов на две роты...(...)

Я избрал себе командно-наблюдательный пункт в 150 метрах восточнее Северных ворот. Встретив там капитана Касаткина, назначил его начальником штаба.

Около полудня ко мне подбежал боец и сообщил, что в Восточном форту скопилось много людей, они ждут распоряжений. Я и капитан Касаткин направились в подковообразное укрепление, где действительно увидели около трехсот человек.

Находившиеся с ними лейтенанты Домиенко и Коломиец уже успели подготовить укрепление к обороне. На весьма удачно выбранной позиции была установлена счетверенная зенитная пулеметная установка, имевшая почти круговой обстрел. В метрах полутора от Восточного форта находилось два зенитных орудия, которыми командовал стар-

ший лейтенант Шрамко. В ста метрах западнее – две противотанковые пушки, которыми командовал незнакомый мне молодой лейтенант.

Защитники Брестской крепости. Художник П.А. Кривоногов. 1951 г.

Взяв и эту группу под свое руководство, я разбил силы, находившиеся в Восточном форту, на три роты – правого, левого и центрального крыла, двумя из них командовали лейтенанты Марков и Бородич. Вторым кольцом подковообразного укрепления, где находилась счетверенная зенитная пулеметная установка, командовал лейтенант Коломиец.

Здесь же, в подземных укрытиях Восточного форта, мы разместили свой штаб, оставив, однако, один наблюдатель-

ный пункт на Северном валу и второй – на другом конце Восточного форта. Воспользовавшись телефонными аппаратами и кабелями, имевшимися у зенитчиков, Касаткин быстро установил, помимо живой, телефонную связь со всеми ротами. При штабе имелась рация, с помощью которой мы тщательно пытались установить связь с командованием, с внешним миром... (...)

Едва мы успели сколотить подразделения, как противник предпринял новую серьезную атаку. Она была отбита с большим для него уроном. В полдень фашисты атаковали нас вторично, на этот раз при поддержке танков. Надо иметь в виду, что крепость со всех сторон окружена водными каналами. В нашем районе проход в нее был возможен только через Северные ворота. Сюда и пытались ворваться танки противника.

В неравный поединок с вражескими бронированными машинами вступила группа бойцов во главе с молодым лейтенантом-артиллеристом. Огонь находившегося в укрытии орудия, которым он командовал, не смог преградить путь немецким танкам. Они вырвались к валу и пошли на нас. Тогда лейтенант приказал выкатить орудие на открытую позицию и повел стрельбу прямой наводкой. Уже завертелся на месте один танк, задымил второй... В это время лейтенанта тяжело ранило. Его гимнастерка быстро обагрилась кровью. Но уползти, уйти в укрытие – значило дать танкам прорваться. И он вместе с еще одним уцелевшим бойцом остал-

ся у орудия. Когда была подбита третья вражеская машина, а остальные повернули обратно, мы увидели, как этот бесстрашный человек упал на землю...»

Командир 45-й пехотной дивизии вермахта официально объявил об окончании боевых действий в Брестской крепости 8 июля 1941 года, указав дату 29 июня. Сам Гаврилов, по памяти, этот день опишет так: «Рано утром почти вплотную к Северным воротам подъехала немецкая машина с радиорупором. На русском языке нам был предъявлен ультиматум: или капитуляция, или авиация сметет крепость с лица земли... На размышление был дан один час. (...)

Ровно через час, убедившись, что защитники крепости не намерены поднимать белый флаг, фашисты начали новую ожесточенную бомбежку, которая длилась несколько часов. От разрывов крупнокалиберных бомб сотрясалась земля, раскалывались и рушились здания. И хотя наш гарнизон был укрыт в капитальных подземных помещениях, мы понесли большие потери. Едва кончилась бомбежка, как все, кто остался в живых, несмотря на ранения и контузии, вновь оказались на своих местах...

Гитлеровцы, уверенные в том, что они сломили волю защитников крепости к сопротивлению, ринулись в атаку без обычных предосторожностей. Но гарнизон жил и боролся. Бойцы Восточного форта открыли по фашистам пулеметный и ружейный огонь, забросали их гранатами. Неприятель снова вынужден был повернуть вспять.

Тогда фашисты пошли на крайнее средство. Они стали сбрасывать в фортовые окопы все, что могло гореть: масло, бензин, поджигали бочки и бутылки с горючим, пустили в ход огнеметы. Так прошел воскресный день 29 июня.

Утром следующего дня нас ждало новое испытание: озверевшие от неудач фашисты стали забрасывать двор и фортовые окопы бомбами со слезоточивыми газами. Но и в противогазах, напрягая последние усилия, наши бойцы продолжали вести ожесточенные бои, не давая врагу добиться своей цели.

Видя всю бесполезность подобных усилий, гитлеровцы решили всерьез сдержать данное ими обещание – стереть крепость и ее защитников с лица земли. В тот же день, 30 июня, была предпринята невиданная до сих пор бомбежка. К исходу дня, когда все вокруг пылало, гитлеровцы ворвались в расположение нашего гарнизона. Те, кто уцелел, в большинстве своем раненные и контуженные, были захвачены в плен. Но некоторым защитникам форта все же удалось укрыться в подземных убежищах. В их числе был и я».

После самой страшной немецкой бомбежки их осталось всего 20 человек с четырьмя пулеметами и с достаточным количеством боеприпасов и гранат. Не хватало только продовольствия. Сто граммов сухарей в день – это все, что могли позволить себе последние защитники Бреста. Начался новый этап борьбы, когда днем они прятались в казематах, а ночью вели прицельный огонь по противнику. При этом Гаврилов

и его бойцы все еще надеялись прорваться на северо-восток Бреста к Беловежской пуще.

Прошло целых десять дней, прежде чем стычка со случайно оказавшимися рядом немецкими пулеметчиками выдала их. Это было 12 июля. Немцы подняли нешуточную тревогу и атаковали. В этом бою погибло 9 бойцов.

Воспользовавшись паузой, которая могла закончиться с рассветом, Петр Михайлович с двумя уцелевшими бойцами снова укрылся в подземных щелях. Тогда и было принято решение этой же ночью прорываться сквозь окружение в разные стороны: на юг, на восток и на запад. Но попытка прорыва, когда все одновременно бросили по гранате и пустились бежать, не увенчалась успехом. Гаврилов остался один, пробившись лишь в северо-западную часть крепости.

Майор не терял надежды выбраться из крепости. Он продолжал бороться за жизнь, но был уверен, что если придется, то отдаст ее как можно дороже.

День за днем Петр Михайлович ел комбикорм, а ночью пил воду из канала, до тех пор, пока не началась острая резь в желудке, которая постепенно причиняла ему нечеловеческие страдания. И что он только не делал, чтобы не выдать себя. Удерживаясь от стонов, он кусал губы, но снова впадал в полузабытье, а приходя в себя, с трудом шевелил руками.

Однажды он очнулся от громких голосов: «Гитлеровцы разговаривали совсем рядом и шли прямо в мой каземат. Их, очевидно, привлекли мои стоны: они и меня самого часто

заставляли пробуждаться. У моей двери раздались шаги кованых сапог. Значит, наступил мой последний бой. Я собрал остаток сил и, приподнявшись на локте, нажал на спусковой крючок пистолета. По раздавшимся воплям понял, что обойма выпущена не впустую.

Я не помню, сколько времени продолжался этот последний бой: может быть, час, а может быть, и дольше. Снаружи меня укрывали метровой толщины стены, а пулеметные очереди, пускаемые в амбразуры, поразить не могли. Это, конечно, отлично понимали фашисты. То и дело доносились их выкрики: «Рус, сдавайс!» Я молчал. Голоса приблизились к самым амбразурам. Тогда в одну и в другую я кинул по гранате. Одновременно со взрывами вновь раздались истошные крики, проклятья и стоны. Затем все это отдалилось и, наконец, стихло. Видимо, раненых унесли. Я весь сосредоточился на одном: как эффективней израсходовать оставшиеся у меня гранаты и последнюю обойму «ТТ».

Тишина продолжалась недолго. Гитлеровцы дважды пытались подобраться к каземату с внешней стороны, с тыла, от дверей. У меня в обойме оставалось еще три патрона, но пустить их в ход мне уже не удалось. Неожиданно раздался страшный грохот, по глазам полоснуло пламя, и я потерял сознание».

Пройдут десятилетия, прежде чем в 2012 году Музеею обороны Брестской крепости передадут копии уникальных документов, найденных немецкими историками в Федераль-

ном военном архиве Фрайбурга. Согласно им, майора Гаврилова действительно взяли в плен 23 июля 1941 года солдаты из охранного батальона. Там же говорится, что Петр Михайлович стрелял из пистолета и ранил пятерых немецких солдат. При этом фамилия Гаврилов в документах не фигурирует. Там написано, что «арестовали старшего лейтенанта». И еще. Когда командира 44-го полка захватили, Брестская крепость была еще раз прочищена. Кроме семи трупов советских бойцов там больше никого не обнаружили. Таким образом майор Петр Михайлович Гаврилов был самым последним защитником Брестской крепости...

Где был Сталин два дня сорок первого?

Благодаря журналу посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете мы можем судить о том, что с 22 июня по 28 июня (в ночь на 29 июня) вождь ежедневно принимал членов Политбюро ЦК ВКП(б), военачальников, руководителей наркоматов, военных, ученых и т. п. То есть работал в обычном для него режиме.

23 июня он приехал в Кремль в 3 часа ночи и принял 8 человек (3 члена Ставки и 5 военачальников). Совещание закончилось в 6 ч.25 мин. До 6 часов вечера он сделал ряд поручений, почти ни с кем не общаясь. Вечером с 18.45 он принял еще 13 человек. Последние вышли в 01.25 мин. Около 2-х ночи он уехал в Кунцево. 24 июня рабочий день вождя начался с 16 часов. До 21.30 он принял 20 человек. 25 июня с 1 часа ночи до 5.5 °Сталин принял 11 человек, а вечером с 19.40 до 1 часа ночи – 15.

26 июня он приехал в Кремль к 12 часам дня и до 23.00 принял около 20 человек. 27 июня с 16.30 до 02.4 °Сталин принял около 25 человек.

28 июня Сталин приехал в Кремль к 19 часам и до 00.50 принял 21 человека. 29 и 30 июня в журнале посещений Сталина записей нет. Следовательно, не было и приемов. Одна-

ко известно, что вечером 29 июня Сталин, как обычно, вошел в свой рабочий кабинет. Следом за ним вошли Молотов, Маленков, Щербаков, Микоян и Берия. Говорили о тяжелой обстановке и на фронтах. Затем они перешли к документу: «Директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей». Ее первоначальный текст подготовили Молотов, Щербаков и Микоян. Сталин лично редактирует этот материал. Директива предельно конкретна, а каждый абзац в буквальном смысле требует действий. Вождь синим карандашом вставляет отдельные слова и предложения, стрелками помечает, куда вставить то или иное слово. Ведь речь идет о тактике выжженной земли, и врагу не должно не достаться ровным счетом ничего. Иначе смерть!

Около 19 часов Сталину приносят телеграмму с Западного фронта от Ворошилова: «Обстановка на фронте внезапно резко ухудшилась. Подробности донесу дополнительно».

Сталин продолжает работать и ждет сообщения Климента Ефремовича.

В 23.15 Ворошилов наконец-то выходит по ВЧ на связь и докладывает вождю:

– Управление войсками полностью дезорганизовано. Командование обстановки не знает, питается отрывочными запоздалыми сведениями, поэтому влиять данным образом на войска не может. С войсками 3-й и 10-й армий по-прежнему плохо.

Выслушав представителя Ставки, вождь ставит задачи и задает интересующие его вопросы. При этом, как мы уже читали выше, шутит и смеется.

Только после разговора с Ворошиловым Сталин звонит наркому обороны Тимошенко.

– Что под Минском? Как там дела? – спокойно спрашивает он.

В. М. Молотов
(заместитель председателя)

И. В. Сталин
(председатель)

К. Е. Ворошилов

Г. М. Маленков

Л. П. Берия

Члены Государственного Комитета Обороны. Июль 1941 г.

– Я не могу сейчас вам доложить, товарищ Сталин, – неуверенно отвечает нарком.

– А вы обязаны знать обстановку, товарищ Тимошенко, и также обязаны информировать нас, – после этих слов вождь

нервно бросил трубку.

– Не нравится мне все это их неведение, – выдержав паузу, сказал он, обращаясь к Молотову и Берии. – Нам надо сейчас же поехать в Наркомат и самим убедиться в обстановке на месте.

Итак, в ночь на 30 июня 1941 г. Сталин вместе с членами Политбюро посещает Наркомат обороны, по улице Фрунзе. Они в глубоком молчании вошли в массивные двери, минуя часового, также молча поднялись на второй этаж, где и застали в рабочей обстановке Тимошенко, Жукова, Ватутина...

Столь неожиданное появление членов Политбюро, а в особенности вождя, привело присутствующих в шок, от которого они онемели, побледнели и не сразу справились со своими чувствами...

Как и положено в такой ситуации, первым доложил нарком. Выслушав доклад, Сталин медленно прошелся вдоль стола с картами, остановившись у карты Западного фронта.

– Мы ждем вашего доклада об обстановке под Минском, – кратко заявил Сталин.

Сбивчивый доклад Тимошенко прозвучал, как трагический аккорд в магической тишине:

– Товарищ Сталин, мы еще не успели обобщить поступившие материалы. Многого мне не ясно. Есть противоречивые сведения... Я не готов сейчас вам доложить...

– Вы просто не владеете обстановкой, – резюмировал вождь. – Вы, наверное, уже потеряли Белоруссию, а теперь

хотите поставить нас перед фактом новых провалов! Вы вообще управляете фронтами или только констатируете очевидное?

Затем он обратился к Жукову:

– Что происходит на Западном фронте? Какая имеется у Павлова связь с войсками?

Если первые полчаса Сталин говорил спокойно, то теперь взорвался:

– Что за Генеральный штаб, что за начальник Генштаба, который так растерялся, не знает, что творится в войсках, никого не представляет и никем не командует. Раз нет информации, нет связи, Генштаб бессилён руководить.

– Разрешите нам продолжить работу, – резко ответил Жуков.

– Может, мы мешаем вам? – съязвил Берия.

– Обстановка на фронтах критическая, – не обратив внимания на эти слова, сказал Жуков. И стараясь быть спокойным, взглянув на Лаврентия Павловича, с вызовом бросил: – Может быть, вы сумеете дать эти указания?

– Если партия поручит, дадим, – со злобой ответил Берия. После этих слов генерал армии Жуков, оскорбленный этими словами и переживший шок, не выдержал, разрыдался и вышел в другую комнату. Молотов быстро пошел следом за ним. Все присутствующие находились в удрученном состоянии. Только через десять минут Молотов привел обратно, уже внешне спокойного, но еще с влажными глазами началь-

ника Генштаба.

– Простите меня за резкость, товарищ Сталин. Мы разберемся и сами приедем в Кремль...

– Товарищ Сталин, – вмешался Тимошенко, – мы обязаны в первую очередь думать, как помочь фронтам, а потом уже информировать вас...

– Во-первых, – взорвался Сталин, – вы делаете грубую ошибку, что отделяете себя от нас. А во-вторых, о помощи фронтам, об овладении обстановкой нам теперь надо думать всем вместе. – Немного успокоившись, он добавил: – В ближайшее время разберитесь с обстановкой в районе Минска, Бобруйска и Слуцка, свяжитесь с Павловым. Уточните у него, где находятся части. Разберитесь со связью. Организуйте розыск частей и их отход за Березину. Объясните, что в самый кратчайший срок нужно собрать все войска и привести их в надлежащий порядок. Во что бы то ни стало нам нужно выиграть время...

На одном из обедов Сталин как-то сказал, что ночь с 29 на 30 июня 1941 г. была для него самой тяжелой и памятной.

Что он пережил тогда, можно только предположить...

30 июня 1941 г., прочитав утреннюю сводку Генштаба, Сталин уехал к себе на дачу и почти весь день не появлялся в Кремле. Такое состояние вождя Д. Волкогонов называл не иначе как «кульминацией психологического шока».

«Целая пропасть разделяла его, безгрешного земного бога до войны, и растерявшегося “вождя”, сознававшего пол-

ный крах всех его планов, предположений, стратегических расчетов в течение всего одной недели... Вынести все это оказалось не по плечу даже такой волевой натуре, как Сталин», – писал генерал.

Но растерялся ли Сталин? Безусловно, растерялся! А кто бы на его месте смог остаться железным и безразличным в такой момент... Кто? Сказывался возраст за шестьдесят. Биография революционера, большевика и государственного деятеля. Сказывались болезни. Ему было плохо. И там, на даче, в уединении он говорил сам с собой, пытаюсь найти выход из создавшегося критического положения. Он укорял себя за просчеты...

А тем временем вечером в кабинете у Молотова собрались Маленков, Берия, Вознесенский и Микоян.

Начал разговор Молотов:

– Вот, Лаврентий Павлович предлагает срочно создать по образцу Совета Труда и Оборона времен Гражданской войны Государственный Комитет Оборона, которому нужно отдать всю полноту власти в стране. Передать ему функции правительства, Верховного совета и ЦК партии.

– Но пусть Вячеслав Михайлович скажет, почему нас с вами, Анастас Иванович, нет в проекте состава комитета, – перебил Молотова Вознесенский, обращаясь к Микояну и рассматривая документ.

– Каков же состав предлагается? – тут же спросил Микоян.

– Как уже договорились, товарищ Сталин – председатель,

затем я – его заместитель и члены комитета: Маленков, Ворошилов и Берия, – ответил Молотов.

– А почему же нет в этом списке нас с Николаем Алексеевичем? – снова спрашивает Микоян.

– Но кто же тогда останется в правительстве? Нельзя же почти всех членов Бюро Совнаркома вводить в этот комитет!

После возникшего спора Молотов предложил всем поехать к Сталину, чтобы с ним решить все вопросы.

На «ближней» соратники застали хозяина действительно в неважном состоянии: он сидел в кресле в малой столовой.

– Зачем пришли? – поинтересовался вождь.

Первым выступил Молотов, заявив о предложении создать Государственный Комитет Оборона.

– Согласен. А кто будет председателем?

– Ты, – сказал Молотов.

– Хорошо. А каков предлагается состав этого органа?

– Нужно назначить пять членов Государственного Комитета Оборона, – вмешался Берия. – Вы, товарищ Сталин, будете во главе, затем Молотов, Ворошилов, Маленков и я.

– Тогда надо включить и Микояна, и Вознесенского.

– Товарищ Сталин, если все мы будем заниматься в ГКО, то кто же будет работать в Совнаркоме, Госплане?

– Пусть Микоян и Вознесенский занимаются всей работой в правительстве и Госплане.

– Товарищ Сталин, я предлагаю ввести в состав ГКО 7 человек с учетом названных товарищем Сталиным, – сказал

Вознесенский.

– Пусть в ГКО будет 5 человек, – взял слово Микоян. – Что же касается меня, то я прошу назначить меня уполномоченным ГКО со всеми правами члена ГКО в области снабжения фронта продовольствием, вещевым довольствием и горючим.

Сталин согласился. На Молотова возложили руководство по производству танков, на Маленкова – авиационную промышленность, на Берия – охрану порядка внутри страны и борьбу с дезертирством, на Вознесенского – руководство производством вооружения и боеприпасов, а на Ворошилова – формирование новых воинских частей. В этот же день было принято постановление о создании Государственного Комитета Оборона, которое было обнародовано 1 июля 1941 г.

По свидетельству очевидцев, в первые дни войны Сталин осунулся, почернел, оспины его стали более рельефны. При этом он никогда не забывал здороваться и отвечать на приветствия. Работал он день и ночь, по 16–18 часов в сутки. «Ежедневно ему докладывали десятки документов военного, политического, идеологического и хозяйственного характера, которые после его подписи становились приказами, директивами, постановлениями, решениями», – писал Д.А. Волкогонов.

Те же очевидцы утверждают о Сталине в первые дни войны, что ему некогда было отдыхать в эти дни и ночи. Работал он сутками напролет. Иногда даже спал на диване одетым и

обутым. «Иногда были случаи: в присутствии телохранителя Сталин сам с собой разговаривал. Так было с В.Туковым. Однажды он спросил Сталина в машине: “О чем вы, товарищ Сталин, говорите?” Только тогда Сталин произнес: “Да о вашем начальнике. Старый не сумел оправдаться”».

Был и еще случай.

«Зашел я к Сталину, – вспоминал А. Голованов. – Он один в кабинете. Стоит перед ним остывший чай. Сталин: “Что делать? Что делать?” Как будто я помогу выйти из окружения войскам на Западном фронте».

Почему Сталин выступил только 3 июля?

С началом войны встал вопрос об обмене посольств СССР и Германии. Например, сотрудники германского посольства были интернированы уже на следующий день – 23 июня во второй половине дня. 24-го они были отправлены из Москвы в окрестности Костромы. Так в «Справке об эвакуации персонала бывшего германского посольства в Москве» говорилось: «Персонал посольства и прочие германские граждане были размещены в доме отдыха Костромского льнокомбината, одном из лучших домов отдыха в г. Костроме. Им было предоставлено 3 двухэтажных дома, кухня с обслуживающим персоналом, питание по нормам дома отдыха. Дом отдыха обнесен дощатым забором с парой ниток колючей проволоки наверху, и были приняты соответствующие меры к охране персонала быв. германского посольства. Во время пребывания немцев в г. Костроме для медобслуживания был прикреплен врач – заведующий поликлиникой НКВД в г. Костроме. Врач производил ежедневный обход, и кроме того, его можно было вызвать в случае необходимости в любое время. 3) 28 июня немцам сообщили о том, что они будут доставлены в Ленинскан. Перевозка немцев из Костромы в г. Ленинскан осуществлялась в поезде, состоявшем из

одного международного, одного мягкого и 3 жестких чистых хороших вагонов. Были предоставлены постельные принадлежности. В пути от Костромы до Москвы немцев кормили за государственный счет, а от Москвы до Ленинканана они приобретали продукты за свой счет. Продукты как по ассортименту, так и по количеству предоставлялись в полном соответствии с заявками Шуленбурга, Хильгера и Вальтера. Распределение полученных от обслуживающего персонала по этим заявкам продуктов производили Шуленбург, Вальтер и Хильгер. Кроме того, утром, в обед и вечером из вагона-буфета по вагонам подавались холодные закуски, также в неограниченном количестве. 4) Всякие прогулки на стоянках были невозможны, так как поезд стоял на станциях только 3–4 минуты. 5) В Ленинканане для немцев был организован горячий обед. Жалоб на обед не было, наоборот, были получены лишь похвальные отзывы. 6) Шуленбург ежедневно получал советские газеты. 7) В Ленинканане в распоряжение немцев были предоставлены 3 врача-специалиста, которые производили ежедневный обход эшелона. 8) Следует отметить, что немцам была предоставлена возможность взять с собой личный багаж в неограниченном количестве. Кроме 300 чемоданов личного багажа были погружены в 2 пульмановских вагона и прочие вещи, в количестве 470 мест, принадлежавшие сотрудникам быв. германского посольства. Таким образом, весь персонал посольства прибыл в Германию со всеми принадлежавшими ему вещами. 9) В пути следова-

ми издевательствами германских властей и агентов гестапо»: «Вопреки всяким нормам международного права гестаповцы с первого же дня вероломного нападения Германии на СССР установили наглое, разбойничье отношение к служащим Посольства, Торгпредства, консульств и других советских органов. Утром 22 июня на основе точно разработанного плана и по прямому указанию германского правительства агенты гестапо устроили погромы советских учреждений и квартир отдельных наших сотрудников в Берлине, Праге, Кенигсберге и других городах. Здание Советского Посольства в Берлине рано утром 22 июня было оцеплено отрядом германской полиции. Несколько дней сотрудники Посольства не имели возможности закупать продукты для питания. Лишь после настойчивых требований Советского Посла тов. В.Г. Деканозова германские власти разрешили закупить продукты в одном из берлинских магазинов. В это же утро многие дипломатические сотрудники Посольства были задержаны и арестованы. Так, например, из сотрудников Посольства были задержаны атташе Фомин, Лавров, помощник военно-морского атташе Смирнов, сотрудники аппарата военного атташе Журвицкий, Баранов, Байбииков и шофер Паранин. Были задержаны и арестованы ряд сотрудников торгпредства, имевшие дипломатические паспорта... Сотрудники торгпредства в Берлине были арестованы утром 22 июня и отвезены в тюрьмы Берлина, а затем в концентрационные лагеря... Советских людей посадили на голодный паек... По-

сле завтрака всех заставляли работать по распоряжению начальника лагеря: мыть полы, чистить уборные, носить песок... Сотрудник аппарата военного атташе Баранов, корреспондент ТАСС в Берлине т. Филиппов, сотрудник торгпредства т. Логачев, руководитель отделения „Интуриста“ в Берлине т. Шаханов, сотрудники советского консульства в Праге т. Плющев и Анисимов и другие, арестованные и посаженные в тюрьму, подвергались многочисленным пыткам, избиениям и издевательствам. Им устраивали допросы. Под угрозой всевозможных пыток заставляли дать различные показания, и когда это не удавалось, с ними жестоко расправлялись...

2 июля Советская Колония была отправлена из Берлина через Чехословакию, Югославию и Болгарию в Турцию... В составе в каждом купе было размещено по 8—10 человек. Даже сидеть в пути имели возможность немногие... питали непотребным суррогатом... Поезда в ряде мест останавливались на день-два, а иногда и больше, однако лишь в последние дни германская охрана разрешила два раза в день по 15 минут выходить из вагонов... Лишь на болгаро-турецкой границе члены Советской Колонии в Германии вздохнули наконец свободно, так как, миновав пограничную зону, они больше не видели отвратительных рож гитлеровских бандитов – агентов гестапо, мародеров и палачей из так называемой “3-й империи”, именуемой себя “страной культуры”...» (А. Осокин. АВП РФ.Ф. 82. Оп. 25.П. 89. Л. 1–7).

Несмотря на все это, неравный обмен, а в нем участвовало с немецкой стороны 140 чел., а с советской – более 1000 чел., состоялся. Как подчеркивает известный историк А. Осокин, «советским дипломатическим службам удалось в это трудное время добиться обмена в столь выгодном для СССР варианте, что было большой победой».

Итак, 2 июля 1941 года советские дипломаты и другие граждане выехали из Берлина. Это был официальный акт прекращения дипломатических отношений. А 3 июля Сталин впервые выступил по радио со своим знаменитым обращением к советскому народу, которое началось с необычных слов: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!»

Налеты на Москву

21 июля 1941 года в 22 часа с наблюдательных постов, расположенных на линии Рославль – Смоленск, на командный пункт 1-го корпуса ПВО поступила информация о том, что в сторону Москвы движутся большие группы бомбардировщиков. А первая отечественная радиолокационная станция контроля воздушного пространства РУС-2, развернутая под Можайском, своевременно обнаружила налет более 200 немецких бомбардировщиков и передала информацию о них для наведения авиации и целеуказания зенитной артиллерии.

Аэрофотоснимок пожаров после налета немецкой авиации на Москву. 1941 г.

Взлетевшие с аэродромов Бреста, Барановичей, Бобруйска и Минска четырьмя последовательными эшелонами с интервалом 30–40 минут с северо-западного, западного и юго-западного направлений самолеты противника вторглись в воздушное пространство Московской зоны ПВО и на высоте 2 тысячи метров стали приближаться к столице Советского Союза.

По маршруту экипажи люфтваффе использовали радио-

маяки и световые сигналы – вращающиеся прожекторы, служившие им хорошими ориентирами.

Примечательно, что сравнительно малая высота фашистских бомбардировщиков, как некая уверенность в безнаказанности, облегчила силам и средствам ПВО столицы выполнение боевой задачи.

Первыми подходили к Москве до 70 бомбардировщиков.

Непосредственное руководство войсками ПВО по отражению массированного налета авиации противника на Москву было поручено командиру 1-го корпуса ПВО генералу Д.А. Журавлеву. Он тут же отдал боевой приказ: «Частям корпуса – положение номер один!» И через какие-то минуты главная тяжесть по отражению массированного вражеского налета легла на авиаполки 6-го авиакорпуса, полки зенитной артиллерии, прожекторные, аэростатные части, а также подразделения ВНОС.

Более пяти часов длился первый массированный налет. Для его отражения истребители 6-го ИАК совершили 173 самолета-вылета, провели 25 воздушных боев и сбили 12 вражеских бомбардировщиков. Зенитная артиллерия и зенитные пулеметы израсходовали 16 тыс. снарядов СК, 13 тыс. МК, 130 тыс. пулеметных патронов и уничтожили 10 самолетов противника. К столице прорвались лишь одиночные самолеты.

«Когда отразили последнюю волну, я посмотрел на часы: стрелки показывали 3 часа 25 минут», – вспоминал Д.А. Жу-

равлев.

В ту первую кошмарную ночь немцы хоть и не причинили существенного ущерба объектам столицы, однако сбросили на нее 100 тонн фугасных бомб и 45 тысяч зажигалок.

В результате налета пострадало 792 человека (130 убито, 241 тяжело ранен, 421 получил легкие ранения), разрушено 37 зданий, возникла 1166 очагов пожара, повреждено 2 водопровода, газовая и электросеть, разбито до 100 км железнодорожных путей и 19 вагонов с грузом. Несколько бомб упало на территорию Кремля.

И все же, несмотря на трагические эпизоды первого масштабированного налета авиации Германии на Москву, сам противник понес весьма ощутимые потери. Судите сами: если в налетах на Париж и Лондон люфтваффе теряли не более 3 % машин, то здесь они потеряли сразу 10 %. Но самое главное, противник не сумел вывести из строя промышленные объекты столицы, деморализовать население, сломить волю к сопротивлению защитников города.

Если период с 22 июня по 22 июля 1941 года был периодом дневного действия одиночных самолетов-разведчиков противника (с 1 июля отмечено 89 разведывательных полетов, в т. ч. 9 – с целью разведки города на большой высоте), то период с 22 июля по 8 августа 1941 года стал периодом наиболее интенсивных налетов авиации противника, производимых большими группами и исключительно ночью. В эти дни в Москве стояла вполне хорошая погода, благоприятная

и для нападавших и для ее защитников.

Немецкие бомбардировщики обычно заходили на столицу на высоте 3000–3500 метров, а в отдельных случаях снижались даже до 500–100. Однако после отражения первых налетов их потолок постепенно повышался и в августе – сентябре 41-го достиг уже 7000 метров. В этот период погода значительно ухудшилась. Наступила полоса дождей, туманов и сплошной облачности. Самолеты противника подбирались к Москве за облаками со средней скоростью 300–350 км, увеличивая ее после сбрасывания бомб на обратном курсе. Правда, в отдельных случаях летчики люфтваффе, маскируясь, шли с приглушенными или заглушенными моторами на скорости до 250 км.

Итак, с 22 июля по 15 августа 1941 года на столицу было произведено 17 ночных воздушных налетов общим количеством до 2400 самолетов (2 налета более 200 самолетов в каждом, 5 налетов с участием от 100 до 200 самолетов и до 50–60 в остальных).

Маршрут полета немецких самолетов был неизменным: Минск, Орша, где использовался радиомаяк и световые сигналы – вращающиеся прожектора в Минске, на пути к Орше и восточнее ее. Вторые и последующие эшелоны на пути к Москве ориентировались по нашим прожекторам и разрывам артснарядов. Бомбометание некоторых объектов ПВО производилось при помощи световых сигналов, подаваемых с земли диверсантами.

Сразу же после первой неудачи, когда проникнуть к городу и сбросить с горизонтального полета и с пикирования бомбы удалось немногим летчикам люфтваффе, стала меняться и их тактика. Например, уже 22 июля, во время второго налета (участвовало до 150 самолетов) немцы подходили 13-ю эшелонами с интервалами по времени 10–15 минут. При подходе к прожекторным световым полям их самолеты набирали высоту до 7000 м, избегая освещения лучами прожекторов, и входили в зону огня с различных направлений, главным образом с западного и юго-западного. Обеспечивая нахождение объектов бомбардировки, бомбометанию фугасными бомбами предшествовало сбрасывание осветительных и зажигательных бомб. Причем первая группа самолетов сбрасывала зажигательные бомбы с целью вызвать пожар в районе объектов, а последующие группы сбрасывали фугасные и частично зажигательные бомбы. Кстати сказать, что было у немцев неизменно, так это бесконечные повторы по времени: налеты продолжались почти в одно и то же время, начинаясь около 20.00–23.00 и продолжаясь до 2.00—3.00 ночи, т. е. в течение 5–6 часов.

С 16 августа по 30 сентября 1941 г. противником было совершено 19 ночных налетов, в которых приняло участие до 1700 самолетов, из них к городу прорвалось до 60. Причем налет одиночных самолетов в течение нескольких часов отражался огнем зенитной артиллерии без объявления городу воздушной тревоги. Только в 11 случаях из 19 воздушная

тревога в Москве объявлялась.

Как свидетельствуют документы, в этот период «противник вынужден перейти к тактике измора средств АЗО и морального воздействия на население г. Москвы, создавая видимость налетов на город».

Наиболее продолжительный налет авиации противника был произведен с 24 на 25 сентября 1941 года, который продолжался 5 часов 42 минуты, и с 2-го на 3-е октября – 5 часов 30 минут. Остальные тревоги в среднем продолжались от 1 до 3-х часов.

В течение октября 41-го на пункт Москва был совершен всего 31 налет, из них 18 ночных и 13 дневных. В них принимало участие до 2018 самолетов противника, к городу прорвалось 72. Только в течение 28 октября днем воздушная тревога городу объявлялась 4 раза и 2 раза ночью. За эти сутки в налетах участвовало до 200 самолетов.

Только в ноябре 41-го авиация противника совершила на Москву 41 воздушный налет (17 дневных и 24 ночных). В них участвовало около 1950 самолетов. К городу прорвалось лишь 28.

В декабре на Москву было совершено 14 воздушных налетов (2 дневных и 12 ночных). В налетах участвовало около 200 самолетов, из них к городу прорвалось лишь 14.

В этот период бомбардировочная авиация противника производит налеты на город в сопровождении истребителей с близлежащих к столице аэродромов. Причем если 5, 9, 10

и 12 декабря даже в летную погоду немцы не вылетали, то 8, 11, 21 и 23 их отдельные самолеты производили разведку от 2 до 6.

Таким образом, в период с 22 июня 1941 года по 31 декабря 1941 года в Московском корпусном районе было зафиксировано 8383 самолета противника. Из них: 7146 входило в зону огня зенитной артиллерии, а к городу прорвалось лишь 229 самолетов противника.

Было совершено 122 воздушных налета. Из них 90 ночных и 32 дневных.

Период массовых налетов считается с 22 июля по 15 августа 1941-го.

Уже 24 ноября 1941 г. наркому комиссару внутренних дел Л.П. Берии доложили, что с начала первой бомбежки на столицу за этот период было сброшено «1521 фугасных и 56 620 зажигательных бомб, в результате чего 1327 человек убиты и 1931 тяжело ранены, уничтожено 402 жилых дома, разрушено 22 промышленных объекта. Бомбы угодили также в Большой театр, Театр имени Евг. Вахтангова, Политехнический музей, одно из зданий МГУ, кинотеатр в парке имени Горького...»

Можно только предположить, что бы было, если бы ПВО Московского корпусного района под управлением его командного пункта оказались, мягко говоря, не на высоте...

Но вернемся к налетам. В зимние месяцы января – февраля 1942 года противник произвел 4 ночных налета на г.

Москва. И все в первой половине января. Тогда из 13 самолетов к городу прорвались 4. Последний налет тогда был 6 января, после чего враг не появлялся два месяца.

За март – июнь 1942 г. было всего 7 ночных налетов (6 из них в марте). Всего участвовало 105 самолетов – и только 9 прорвалось к городу. Наиболее интенсивный был зафиксирован в ночь на 6 марта. В нем участвовало до 36 самолетов противника. Налет совершался 4-мя группами по 9—12 самолетов с интервалом по времени 15–20 минут между каждой группой. К городу прорвались 5–6 самолетов, которые сбросили до 15 ФАБ.

В апреле авиация противника на Москву произвела только 1 налет (в ночь на 6-е).

Всего же за период с 1.1.42 г. по 1.7.42 г. на Москву было совершено 11 ночных налетов (5 июня 1942 г. в период с 22.00 до 23.37–62 самолета противника группами от 3 до 12 пытались произвести налет на Москву и аэродромы Кубинка, Инютино, Дракино), в которых участвовало 118 самолетов противника. Из них только 13 самолетов прорвались к городу и сбросили на него 48 ФАБ и до сотни ЗАБ.

В период с 1.7.42 г. по 9.5.45 г. авиация противника в основном производила разведывательные полеты и совершала отдельные налеты на железнодорожные станции и аэродромы вне Москвы. Всего было зафиксировано 2403 самолета-полета противника, из них 507 – сопровождались бомбометанием.

Таким образом, всего с начала войны на Москву было совершено 134 налета авиации противника, в которых участвовало 8595 самолетов. Из них к городу прорвалось 242, или 2,88 %.

При этом за все время Великой Отечественной войны истребительная авиация ПВО Москвы уничтожила 1076 самолетов противника.

Из этого количества было сбито в воздушных боях днем 919 самолетов и 73 ночью. Боевые потери составили 376 самолетов.

Зенитная артиллерия сбила 267 самолетов противника, потеряв 14 орудий. Зенитными пулеметами сбито 36 самолетов противника.

Из общего числа освещенных целей зенитными прожекторами (912) сбит 61 самолет противника, в том числе ИА – 23, ЗА – 36, ЗПл – 2.

Аэростаты заграждения всего произвели 633 подъема, уничтожив 7 самолетов противника.

Система ВНОС зафиксировала 20 387 самолетов-полетов противника в границах и за пределами района Москва. Постами ВНОС было сбито 6 самолетов противника. При этом ими была оказана помощь при вынужденных посадках своей авиации в 539 случаях.

Такими были итоги противовоздушной обороны нашей столицы в годы Великой Отечественной войны.

Налеты на Берлин в сорок первом

Авианалеты на Берлин были совершены советской авиацией с августа по сентябрь 1941 года. По сути это был ответ на первые массированные авианалеты немецкой авиации на Москву, осуществленные 22 и 24 июля.

Считается, что идею ответного удара по Берлину впервые высказал командующий ВВС ВМФ. Подготовку же ответных ударов по столице Германии Сталин возложил, как на командующего ВВС КА генерала П.Ф. Жигарева, так и командующего авиацией ВМФ генерала С.Ф. Жаворонкова.

«Утром 1 августа группа из 15 ДБ-ЗБ 1-го мтап перелетела из Беззаботного на аэродром Кагул (остров Сааремаа), – рассказывает военный историк М. Морозов. – Под каждым самолетом было подвешено по десять стокилограммовых бомб, чтобы иметь на первый случай хотя бы по одной бомбовой зарядке. Для выполнения важного правительственного задания в Особую авиагруппу были отобраны лучшие экипажи, причем не только из состава 1-го авиаполка, но и из 57-го бап. Пока группа готовилась к выполнению ответственного задания, местное командование решило использовать ее в своих целях. Уже днем 2 августа тройка, ведомая Преображенским, вылетела на бомбардировку кораблей противника в порту Пярну. Каждый «ильюшин» нес под фюзеляжем по три ФАБ-500. Неясно, задумывались ли те,

кто планировал вылет – сможет ли вообще самолет с такой нагрузкой взлететь со сравнительно короткой взлетной полосы островного аэродрома? В любом случае практический эксперимент чуть было не закончился катастрофой. (...)

В ночь на 5 августа тройка бомбардировщиков (Плоткин, Гречишников, Леонов) совершила пробный разведывательный полет в направлении Берлина. Два самолета дошли до Данцига, каждый сбросил на город по шесть ФАБ-100, после чего они легли на обратный курс. Успех оказался смазанным – экипаж лейтенанта Леонова дошел только до Виндавы, при возвращении потерял ориентировку и решил садиться на куда более знакомом аэродроме Котлы под Ленинградом. Поскольку летчиков там не ждали, аэродром не был освещен и при посадке самолет со всем экипажем разбился. Это была первая, но далеко не последняя потеря Особой авиагруппы.

Из-за плохого прогноза в ночь на 6 августа четверем машинам пришлось бомбить не Берлин, а Виндаву. По этой же причине в ночь на 7 августа вообще не вылетали. Вечером погода улучшилась».

7 августа с аэродрома Кагул на острове Эзель в 21.00 в первый полет отправилась особая ударная группа из 10 бомбардировщиков ДБ-3 (три звена) ВВС Балтийского флота под командованием командира 1-го минно-торпедного авиационного полка 8-й авиабригады полковника Е.Н. Преображенского, загруженных бомбами ФАБ-100 и листовками.

Этот полет проходил над морем на высоте 7000 м по

маршруту: остров Эзель (Сааремаа) – Свинемюнде – Штеттин – Берлин (1756 км в т. ч. 1400 км над морем). Температура за бортом достигала минус сорока градусов, из-за чего стекла кабин и очки шлемофонов обмерзли, а экипажам пришлось работать исключительно в кислородных масках. Выход в радиоэфир был категорически запрещен.

Через три часа советские морские летчики подошли к северной границе Германии, где были обнаружены немецкой противовоздушной обороной...

«Смелость и разумный риск, основанный на точном расчете, оправдали себя, – укажет в мемуарах адмирал флота СССР Н.Г. Кузнецов. – Немцы не ожидали такой дерзости. Во время подхода наших самолетов к цели они сигналами с земли запрашивали: что за машины, куда летят? Считая, что сбились с пути свои, летчикам предлагали сесть на один из ближайших аэродромов».

Согласно архивным данным, «в полете звенья рассыпались, и фактически каждый пилот бомбил индивидуально. До цели дошло только пять машин (пилоты Преображенский, Трычков, Дашковский, Плоткин, Мильгунов), сбросивших на «логово зверя» всего 30 ФАБ-100. Ефремов и Есин бомбили Кольберг, Фокин – Мемель, Гречишников – Кезлин, а машина Финягина пропала без вести. Воздушный стрелок другого самолета видел при возвращении взрыв в воздухе, который мог произойти как из-за боевого повреждения, так и из-за пожара двигателя» (М. Морозов).

Бомбардировщик ДБ-3, совершивший налет на Берлин в 1941 г.

К слову сказать, этот первый бомбовый удар советской авиации, безусловно не нанес существенного военного урона нацистской Германии, однако, несомненно, имел весьма важный психологический эффект.

«На следующую ночь налет был повторен даже с большим успехом, – продолжает свой рассказ М. Морозов. – Берлин бомбили экипажи Преображенского, Трычкова, Дашковско-го, Плоткина, Ефремова, Есина, Фокина, Мильгунова и Гре-чишников, каждый из которых сбросил по шесть ФАБ-100.

Удачный дебют сподвиг командование на увеличение состава участников за счет частей ДБА. 10 августа на соседний с Кагулом аэродром Астэ перелетели 12 ДБ-3 и ДБ-3Ф из состава 40-й бад ДБА (из 200-го бап под командованием майора В.И. Щелкунова и 22-го бап капитана В.Г. Тихонова). Поскольку деятельностью Особой авиагруппы руководил лично командующий ВВС ВМФ С.Ф. Жаворонков, командование ВВС Красной Армии не проявило энтузиазма и понимания задачи при подборе летчиков и самолетов. Многие из машин были сильно изношены, и даже при перелете в Астэ трем из них пришлось вернуться на аэродром взлета. И все же самолеты дальнебомбардировочной авиации, по крайней мере, на первых порах, казались значительным пополнением.

В ночь на 12 августа ДБ-3 в третий раз вылетели на Берлин. В налете участвовало три самолета от морской авиации (все три отбомбились по Либаве) и девять (еще один сел сразу после взлета) от дальней. Восемь из них дошли до цели и смогли выполнить задачу. Несмотря на тяжелые метеоусловия, все машины вернулись на свой аэродром.

Противник также не дремал. Разрекламировав достигнутый успех, наше руководство невольно поставило авиагруппу под удар. Еще 6 августа аэродром Кагул в первый раз подвергся удару авиации противника – не имевшему, к счастью, серьезных последствий. В дальнейшем постоянные беспокоящие налеты и ухудшение состояния матчасти стали основными факторами, постоянно снижавшими число исправных

самолетов.

Четвертый налет, произошедший в ночь на 16 августа, стал самым крупным. В нем принимало участие 13 «ильюшиных» от морской авиации и девять от сухопутной (дошли до цели десять и семь машин соответственно), сбросившие на город 10 550 кг фугасных и зажигательных бомб. К сожалению, при ночной посадке в Кагуле разбились и целиком погибли экипажи лейтенантов Кравченко и Александрова. Еще одна машина, отправленная для ремонта в Беззаботное, погибла 17-го. Ее над линией фронта тяжело повредил свой же И-153, и при вынужденной посадке у деревни Плешевицы «ильюшин» разбился.

В ночь на 19-е из морских летчиков на задание не вылетел никто, от армейцев же поднялось пять экипажей. До Берлина дошли двое, один повернул из-за неполадок матчасти, один бомбил Свинемюнде; пятый самолет (старшего лейтенанта Строгонова) пропал без вести.

Следующие потери произошли по собственной вине – на этот раз высшего руководства, которое приказало использовать при налетах на Берлин бомбы калибром 500 и 1000 кг. Эта инициатива родилась от того, что для бомбардировки Москвы и других наших городов враг использовал тяжелые авиабомбы, а мы пока не могли адекватно ответить. Кузнецов вспоминал: «А нельзя ли вместо 500-килограммовой бомбы или двух бомб по 250 килограммов нести на Берлин до тысячи килограммов, то есть брать по две пятисотки?» –

такой вопрос возник у Верховного Главнокомандующего.

Мои доводы, основанные на мнении С.Ф. Жаворонкова о том, что такая нагрузка для самолета недопустима, показались неубедительными. В Ставку был приглашен опытный летчик-испытатель В.К. Коккинаки... Коккинаки отлично знал самолеты ДБ-3, его не раз направляли в авиационные части, чтобы он показал, как надо использовать технику и выжать из нее все возможное в смысле дальности полета и грузоподъемности машины.

Точка зрения Коккинаки разошлась с моей. „Можно брать две пятисотки”, – помнится, заявил он, и я был временно посрамлен.

По личному приказу Верховного Владимир Константинович вылетел на Эзель, где дислоцировался полк Е.Н. Преображенского. Теоретически бомбовую нагрузку на ДБ-3 можно было увеличить до тонны, но далеко не новые моторы самолетов делали это практически невозможным, тем более при полете на предельную дистанцию».

То, что невозможно было в принципе, подтвердилось и практически: при попытке взлететь с ФАБ-1000 вечером 20 августа разбился ДБ-3 Гречишников (экипаж не пострадал), а ДБ-3 дальнебомбардировочной авиации, пытавшийся взлететь с двумя ФАБ-500, сразу же упал и взорвался (экипаж старшего лейтенанта Богачева погиб). Остальные десять машин (семь от ВМФ и три от РККА) смогли подняться в воздух, но неудачи преследовали их и в дальнейшем.

На машине Преображенского обнаружилась неисправность, и он повернул назад с полдороги в сопровождении Трычкова. Из продолживших полет флотских «ильюшиных» только Фокин дошел до цели, остальные, встретившись с грозовым фронтом, отбомбились по Виндаве, Свинемюнде и Кольбергу. При посадке ДБ-ЗБ Фокина врезался в трактор и был полностью разбит. Из армейских ДБ-З Берлин бомбили два, а третий (старший политрук Павлов) дошел только до Данцига и разбился при возвращении. Многочисленные аварии и катастрофы не оставили сомнения в том, что дальнейшее использование сильно изношенных самолетов ДБА не имеет смысла, и днем 21-го остатки групп Щелкунова и Тихонова перелетели на тыловые аэродромы».

Налет на Берлин силами 81-й бомбардировочной авиационной дивизии под командованием Героя Советского Союза комбрига М.В. Водопьянова оказался более серьезным провалом. Если успехи морских летчиков стали широко известными, то об операции их боевых товарищей старались не распространяться...

Дивизия Водопьянова, имевшая на вооружении новейшие дальние бомбардировщики: четырехмоторные ТБ-7 и двухмоторные Ер-2, была единственной в ВВС КА. Во-первых, значительную часть ее летного состава составляли мобилизованные летчики Главсевморпути и ГВФ, налетавшие в сложных метеоусловиях тысячи часов. Словом, опытные пилоты, но с отсутствием военных авиационных знаний. Во-

вторых, не все ладно было с ТБ-7. Самым уязвимым местом бомбардировщика были авиадизели М-40Ф.

«В эксплуатации, однако, быстро выяснилось, что силовая установка ТБ-7 4М-40 недоработана. На больших высотах, при уменьшении мощности моторов до крейсерской, потока выхлопных газов для вращения четырех турбокомпрессоров не хватало, и двигатели захлебывались. М-40 неустойчиво работали на малом газе, поэтому посадка самолета превращалась в цирковой номер. На планировании двигатели приходилось выключать, а после касания ВПП снова запускать, чтобы отрулить с полосы. Частенько «летели» лопатки и подшипники турбокомпрессоров, прогорали коллекторы выхлопных газов...» (Медведь А.Н., Седловский А.Г.).

Однако экономичность и мощность дизелей перевесили. Что же касается Ер-2, то «до передачи на госиспытания коллективу ОКБ-240 так и не удалось устранить многие дефекты, не допускающие нормальную эксплуатацию машины в строевых частях. Неудовлетворительно работало бомбардировочное и стрелковое вооружение, имелись претензии к устойчивости и управляемости. Эти недостатки и выявленные военпредами дефекты заставили завод № 18 прекратить сборку ДБ-240 после изготовления 71 машины. Часть недостроенных самолетов отвезли в неотапливаемый ангар, а остальные ржавели под открытым небом на окраине заводского аэродрома. К работе над злополучными Ер-2 вернулись в марте 1941 г. (...) Однако закончить сдачу всех машин

до нападения Германии не удалось. Первые Ер-2 поступили в строевую часть лишь в июле 1941 г. Освоить самолеты ни летчики, ни техники толком не успели» (Медведь А.Н., Седловский А.Г.).

И все же формирование дивизии комбрига Водопьянова было завершено 29 июля. И полет на Берлин должен был стать ее первым боевым крещением.

«Стартовать решено было с аэродрома подскока Пушкин, расположенного неподалеку от Ленинграда. Протяженность маршрута составляла 2700 км (против 3200 км при вылете с московских аэродромов). Большая часть пути при этом пролегла над Балтикой, в обход районов с сильной ПВО. Лишь последние 500 км предстояло лететь над территорией собственно Германии. (...)

Ранним утром 10 августа 12 ТБ-7 и 28 Ер-2 перелетели из Казани на передовой аэродром. По окончательно утвержденному плану лететь на Берлин должны были 10 ТБ-7 (для налета отобрали только дизельные машины) и 16 Ер-2. Водопьянов также прилетел в Пушкин лишь 10 августа, поэтому времени на согласование всех вопросов с истребительной авиацией ПВО, авиацией флота и ВВС Северного фронта у него не оставалось. К тому же присутствие на аэродроме командующего ВВС генерала Жигарева, вмешивавшегося в детали и самостоятельно решавшего вопросы на правах старшего по должности, путало все карты. (...)

И вот наступил вечер 10 августа. Заправленные «под за-

глушку», тяжело нагруженные бомбами самолеты один за другим принялись выруливать на старт. В каждый ТБ-7 были загружены четыре ФАБ-500 либо две «пятисотки», одна ФАБ-250 и одна РРАБ-3. Еры несли по семь фугасных «со-ток»» (Медведь А.Н., Седловский А.Г.).

Однако курс на Берлин взяли вместо 26 бомбардировщиков 8 ТБ-7 и всего 3 Ер-2. Почему? Называя в своей статье ТБ-7 – Пе-8, М. Морозов поясняет: «Один из Пе-8 потерпел катастрофу при взлете, другой бомбил запасную цель из-за отказа моторов. До Берлина дошло семь экипажей, они успешно сбросили бомбы, но главные испытания ждали их на обратном пути. Один Ер-2 пропал без вести. Другой Пе-8 сбился с курса и потерпел катастрофу в Финляндии; два, в том числе и тот, который пилотировал Водопьянов, израсходовали горючее и совершили вынужденные посадки на советской территории. Водопьяновский Пе-8 сгорел. Остальные самолеты при приближении к Ленинграду были перехвачены истребителями ВВС КБФ, а затем обстреляны зенитной артиллерией, которая не имела оповещения об их пролете. Один Пе-8 был сбит над Лужской губой зенитчиками плавбазы подлодок «Полярная Звезда» (пять членов его экипажа погибли), другой – посажен истребителями, имея 11 пробоин. После столь неудачного дебюта дальнейшие попытки задействовать для ударов по Берлину 81-ю бад прекратились, а сама дивизия вернулась на подмосковные аэродромы».

В общем, задача налетов на Берлин осталась на бомбардировщиках ВВС КБФ...

«В ночь на 1 сентября после десятидневного перерыва наши самолеты вновь бомбили Берлин. На этот раз удалось выслать всего шесть машин, из которых только две или три (Фокин, Дашковский и, возможно, Русаков) дошли до цели. “Ильюшин”, пилотируемый лейтенантом Русаковым, с задания не вернулся – предположительно он дошел до Берлина, но пропал без вести при возвращении. Погиб и бомбардировщик лейтенанта Дашковского. За несколько минут до посадки, в 20 км от Кагула, он внезапно потерял скорость, упал и взорвался. Возможно, сказалась усталость пилота, возможно – боевое ранение.

К началу сентября обстановка на Балтике значительно изменилась. 28 августа пал Таллин, и материковая часть Эстонии оказалась полностью захвачена врагом. Снабжение авиагруппы боезапасом и топливом прекратилось. Противник производил явные приготовления к высадке на Моонзундские острова. В этих условиях были произведены два последних налета – вечером 2 и 4 сентября. 2-го летали экипажи Беляева и Юрина, причем только первому удалось дойти до цели. 4-го в воздух поднялось шесть машин. Плоткин, Беляев и Фокин бомбили столицу рейха, Дроздов – Штольпе-мюнде. Гречишников вернулся из-за неполадок в матчасти, а машина лейтенанта Мильгунова пропала без вести. Считается, что она была сбита над Берлином ночным истребите-

лем, но списки побед Люфтваффе этого не подтверждают.

На 2 сентября в составе авиагруппы оставалось 11 машин, в том числе 10 исправных (кроме того, 5/2 ДБ-3 в Беззаботном, 17/12 в Богослово и 9/9 в Новинках). Но приказа о прекращении налетов все еще не было. Вечером 6 сентября 28 самолетов противника (Vf-110 из состава III/ZG 26 с истребительным прикрытием) произвели штурмовку аэродрома Кагул, в результате которой на земле было сожжено 6 «ильюшиных» и еще один тяжело поврежден.

Естественно, что после этого вопрос о продолжении налетов отпал сам собой. На следующий день остатки авиагруппы Преображенского перелетели к месту постоянного базирования» (М. Морозов).

Согласно архивных документов, которые приводит военный историк М. Морозов, «общие потери флотской составляющей Особой авиагруппы составили 17 ДБ-3 и 8 экипажей. 3 самолета считались сбитыми непосредственно в районе цели, 1 при разведке, 1 при перебазировании в Беззаботное, 6 – потеряны при авариях и катастрофах и столько же при штурмовке аэродрома Кагул. Авиагруппа ДБА потеряла три машины: одна пропала без вести и две – в авариях и катастрофах».

Иранская операция

Через две недели после начала Великой Отечественной войны, «8 июля 1941 г., И.В. Сталин в беседе с послом Великобритании в СССР Р. Криппсом поднял вопрос о ситуации на Среднем Востоке, – рассказывают С.Я. Лавренов и И.М. Попов. – Его беспокоила чрезмерная концентрация немецкой агентуры, в том числе и диверсантов, на территории Ирана и весьма высокая вероятность присоединения этой страны к германской оси, что поставило бы под угрозу южные границы Советского Союза. Английская сторона, несмотря на нейтралитет, заявленный Ираном, отнеслась к опасениям Москвы с пониманием.

Позже обозначилась и другая, не менее важная причина, обусловившая необходимость присутствия союзных войск в Иране. С началом войны в Великобритании, а позже и США было принято решение о военных поставках в Советский Союз по программе ленд-лиза. С августа 1941 г. грузы стали поступать в северные морские порты, находившиеся ближе к фронтам боевых действий: Мурманск, Архангельск, Молотовск (ныне – Северодвинск) и др. Грузы из США принимали также Владивосток, Петропавловск-Камчатский, Ногаево (Магадан), Находка. Однако германской разведке удалось установить основные маршруты союзных морских конвоев. Немецкие подводные лодки и самолеты, базировавшиеся в

Норвегии, развернули настоящую охоту за морскими караванами. Для охраны конвоев привлекались сотни боевых кораблей, тысячи самолетов и десятки тысяч людей, но они не спасали от серьезных потерь. В этих условиях все более привлекательным становился южный маршрут – через порты Ирана и Ирака в советские Армению, Азербайджан и Туркменистан.

17 августа 1941 г. правительству Ирана была вручена совместная англо-советская нота. В ней содержалось требование к иранскому правительству добиться выезда из страны всех немецких специалистов. Несмотря на ультимативный характер ноты, Иранское правительство согласилось удовлетворить англо-советские требования с таким количеством оговорок и условий, что его ответ в целом был признан неприемлемым.

Тогда союзники приняли решение перейти к военным акциям. Советское правительство направило в Тегеран ноту, в которой указывалось на то, что если правящие круги Ирана не пресекут деятельность германских агентов на территории страны, то правительство СССР будет вынуждено в целях самообороны ввести в Иран войска. Естественно, иранское правительство, тесно связанное с германскими кругами, не имело возможности пресечь подобную деятельность, тем более в кратчайшие сроки. Практические действия Москвы последовали незамедлительно».

Подготовка Красной Армии к соответствующей опера-

ции началась заблаговременно. «Важнейшими элементами такой подготовки стали сбор разведывательной информации и усиление группировки войск, предназначавшейся к наступательным действиям, – подчеркивают Ю.Г. Голуб и Д.М. Любин. – Командование Закавказского военного округа регулярно получало от разведки довольно полные сведения об иранской армии, располагало подробными данными о системе коммуникаций в приграничных районах и мерах иранских властей, направленных на укрепление границы и повышение боеготовности своей армии. Активность советской разведки существенно возросла в августе в недели, предшествовавшие вводу войск. Параллельно происходило усиление военной группировки вдоль границ с Ираном. Особенно интенсивно это имело место в Закавказье. Закавказский военный округ включал в себя в августе 1941 года четыре общевойсковые армии: 44-ю, 45-ю, 46-ю и 47-ю общей численностью свыше 350 тысяч человек. К сентябрю количество личного состава увеличилось до 429 тысяч военнослужащих. Военно-воздушные силы округа насчитывали в августе 1941 года 1264 самолетов (при штатной численности 1653 единиц) по сравнению с порядка 500 самолетами к 22 июня 1941 года».

Части Красной Армии во время иранской операции 1941 г.

Планирование этой уникальной операции осуществлялось под руководством начальника штаба Закавказского военного округа генерал-майора Ф.И.Толбухина. Соответственно основная нагрузка и огромная ответственность лежала на его подчиненных. И, надо сказать, справились они с этой задачей вполне успешно.

Рано утром 21 августа 1941 г. командующие войсками Закавказского и Среднеазиатского военных округов получили из Москвы директиву за № 001145. В ней указывалось:

«С целью предотвращения неожиданностей со стороны Ирана немедленно с получением настоящей директивы придвинуть войска округа непосредственно на границу с Ираном, но границы не переходить и не перелетать». Кроме того, командующему войсками ЗакВО предписывалось усилить на хичеванскую группу, включив в ее состав 237-ю стрелковую и 1-ю кавалерийскую дивизии. Утром 23-го командующий войсками ЗакВО генерал-лейтенант Д.Т. Козлов получает от Сталина следующий приказ (директива Ставки): развернуть Закавказский фронт за счет Закавказского военного округа. В этом документе был определен состав Закавказского фронта, районы развертывания его частей и соединений на иранском направлении. Также «директива информировала командование ЗакВО о задачах Среднеазиатского округа и намеченном вступлении английских войск в Иран. Она завершалась детальным определением задач собственно Закавказского фронта. Кроме того, в директиве отдельно и подробно ставились задачи перед военно-воздушными силами... Как явствует из директивы Ставки, в иранской операции планировалось использовать части 47-й армии и ВВС фронта для основного удара и соединения 44-й армии и Каспийской флотилии для вспомогательного. Общая численность Закавказской группировки советских войск, определенных для действия на иранском направлении, составляла примерно 135 тыс. человек» (Голуб Ю.Г., Любин Д.М.).

Начались боевые действия 25 августа в 5.30 утра. Бомбар-

диrovочная авиация Закавказского фронта нанесла удары по иранским аэродромам и другим военным объектам. Истребители выполняли задачи по прикрытию наступающих войск фронта, уничтожению иранских частей на подходе к границе и по ведению разведки районов дальнейшего наступления.

«Важным моментом в начавшемся наступлении войск Закавказского фронта был элемент внезапности и стремительности в продвижении вглубь иранской территории. В этой связи командованием особо определялись мероприятия по успешному прохождению границы, а также сохранению мостов через реку Аракс. Ряд мостов по сведениям советской военной разведки был заминирован, поэтому важную роль сыграла развединформация о наличии бродов около иранских населенных пунктов, через которые впоследствии частично осуществлялась переправа. Для нейтрализации иранских пограничных застав, нарушения связи между ними и сохранения мостов были подготовлены небольшие группы военнослужащих численностью до взвода. Эти группы состояли из пограничников с приданными к ним пулеметчиками. С половины шестого утра, время “Ч” (Согласно директиве № 0915, от 24.08.1941. “Ч” – считать 5.30 по местному времени...), указанные группы приступили к форсированию реки Аракс и выходу на ее южный берег. При переходе выделенных групп для захвата переправ и погранзастав им было оказано противодействие со стороны иранских пограничников. К 6-ти часам утра сопротивление иранских погранза-

став на участке движения 47-й армии было сломлено, а оба моста, у Шахтахты и Джульфы, были сохранены. Частям 44-й армии расчистка границы от иранских погранвойск затянулась до 9 часов утра, что объяснялось значительной удаленностью ряда иранских застав от границ. В ходе незначительных боестолкновений с иранскими пограничниками обе стороны понесли первые потери...

В результате успешных действий по переходу границы и нейтрализации иранских погранзастав основные части армий участвовавших в операции приступили к выполнению боевых задач. Согласно ранее утвержденному плану 63-я горнострелковая дивизия с приданным к ней 13-м мотоциклетным полком должна была наносить удар в Макинском направлении. В силу этого указанным частям к исходу дня 25 августа следовало овладеть районом Диза, Кааяз, Шот. Кроме того, передовые части дивизии должны были вступить в Мако.

При продвижении вглубь иранской территории частям 63-й горнострелковой дивизии у входа в Макинское ущелье было оказано организованное сопротивление со стороны 17-го пехотного полка иранской армии. В ходе непродолжительного боя, в котором огонь противника велся преимущественно из ружей и пулеметов, иранские огневые точки были подавлены, а сами иранские солдаты рассеяны в горном массиве. К исходу дня 25 августа 63-я горнострелковая дивизия с приданным полком успешно вышла на рубеж, указанный

командованием.

Важным элементом, определившим успех операции, явилось грамотное использование мобильных частей 47-й армии, и прежде всего 6-й танковой дивизии. Продвижение дивизии не встретило серьезного отпора, за исключением мелких групп жандармерии. Так, в частности, при прохождении Хамзианского перевала жандармский пост попытался оказать незначительное сопротивление. В ходе перестрелки иранцы потеряли одного убитым, одного раненым и пятерых пленными. В результате этого столкновения был обеспечен беспрепятственный проход частей дивизии через перевал» (Голуб Ю.Г., Любин Д.М).

На вторые сутки операции силы 47-й армии заняли важный административный город северного Ирана – Тебриз, выйдя на оперативный простор при минимальных потерях. А на третьи боевые действия начала 53-я армия генерала С.Г. Трофименко (командующий войсками Среднеазиатского военного округа), разделенная на три группировки: западную (стрелковый корпус и горнострелковая дивизия) и восточную (кавалерийский корпус). Соединения армии, встретив незначительное сопротивление двух пехотных дивизий противника, вынудили их сложить оружие.

К слову сказать, с британской стороны в операции участвовали всего три пехотных дивизии, две бригады (танковая и пехотная) и один уланский полк.

29 августа 1941 года вооруженные силы Ирана сложили

свое оружие перед англичанами, а на следующий день перед Красной Армией. Правда, этому предшествовало весьма важное событие. После начала операции сменился кабинет министров Ирана. Новый премьер Али Форуги отдал войскам приказ о прекращении сопротивления, который был одобрен иранским парламентом. И, наконец, 8 сентября было подписано соглашение, определявшее расположение союзнических войск на территории Ирана, который был разделен на две оккупационные зоны: северную советскую и южную британскую.

Еще не так давно мало кто знал о совместной англо-советской операции в период Второй мировой войны под кодовым наименованием «Согласие» (25 августа – 17 сентября 1941 г.). Ее целью являлась защита англо-иранских нефтяных месторождений от возможного захвата Германией и ее союзниками, а также защита транспортного (южного) коридора ленд-лизовских поставок для СССР. При этом с советской стороны решающую роль в достижении основных политических результатов этой операции сыграли войска Закавказского фронта.

Пройдут десятилетия, и в декабре 2009 г. президент Исламской Республики Иран, вдруг вспомнив давно забытую историю, даст своей администрации распоряжение оценить ущерб, который был нанесен Ирану пребыванием на его территории воинских контингентов стран антигитлеровской коалиции – США, СССР и Великобритании – во время Вто-

рой мировой войны. Махмуд Ахмадинежад планировал потребовать от международных институтов компенсации этого урона «для восстановления прав иранского народа».

Оказывается, согласно англо-советско-иранскому договору (1942), который обеспечивал сотрудничество Ирана со странами антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, Москва и Лондон обязались вывести войска из Ирана не позднее, чем через полгода после прекращения военных действий между союзниками и странами гитлеровского блока. Однако все воинские контингенты были выведены с иранской территории к маю 1946 года, т. е. примерно на два месяца позже. Правда, «перспективы у этой затеи» окажутся нулевыми...

Малоизвестный контрудар

5 июля 4-я танковая группа генерала Гепнера со второй попытки заняла Остров, а 8-го Псков. В результате чего оборона Северо-Западного фронта на линии укрепленных районов по реке Великой была прорвана. Таким образом, создалась реальная угроза прорыва войск противника к Ленинграду. Поэтому, не дожидаясь подхода главных сил, его танковые и моторизованные части продолжили наступление в двух направлениях. 41-й корпус генерала Райнхардта пошел на Лугу, а 56-й корпус генерала Манштейна через Порхов и Новгород на Чудово, чтобы перерезать железнодорожную линию Москва – Ленинград.

Уже 10 июля 3-я моторизованная дивизия корпуса Манштейна заняла город Порхов и продолжила наступление в направлении Дно. К вечеру 14-го немцы занимают западную часть Сольцов, а на следующий день передовому отряду 8-й танковой дивизии удалось выйти на рубеж реки Мшага в районе города Шимска, приближаясь к шоссе Медведь – Шимск. Проиgnорировав данные авиаразведки о большом сосредоточении советских войск и подходе с севера свежих подразделений, 8-й танковой дивизии в качестве ближайшей задачи ставится захват моста через Мшагу. При этом безопасность своих открытых флангов (правый – 70 км и левый – 40 км) командование корпуса предполагало обеспе-

чить быстротой маневра. Однако дальнейшее продвижение оказалось невозможным из-за взорванного моста и огня советских войск.

Примечательно, что изменение направления наступления 41-го корпуса и оставление 56-го корпуса под Сольцами и Шимском немецким верховным командованием было просмотрено. 14 июля генерал Гальдер с недоумением записал в дневнике:

«Совершенно непонятно сообщение о продвижении левого крыла танковой группы Гепнера (корпус Рейнгардта) в направлении Нарвы, в то время как правое крыло (корпус Манштейна) наступает на Новгород. В результате этого танковая группа полностью разрывается на две части, не имея отчетливо выраженного направления главного удара».

Советское командование не могло не воспользоваться просчетами противника и в кратчайшие сроки разработало план контрудара. В его основу была положена информация, нанесенная на немецкую секретную карту. Проверка подтвердила данные разведки. Совершенно точным оказалось и положение всех шести дивизий танковой группы Гепнера.

13 июля 1941 года частный боевой приказ штаба Северо-Западного фронта № 012, адресованный командующему 11-й армией генералу В.И. Морозову, гласил:

«...1. Противник своими авангардными частями угрожает СОЛЬЦЫ. На Лужском направлении им занято НИКОЛАЕВО.

2. Армиям фронта прочно удерживать занимаемые позиции и в течение 14.7. восстановить положение в районе СОЛЬЦЫ, разгромив прорвавшиеся части противника.

3. 11А прочно прикрывая направление НИКОЛАЕВО на рубеже БОЛ.ЗВАД, НОВОСЕЛЬЕ, ДУБРОВКА – силами 1мк с 70сд с севера; 183сд и провофланговых частей 22ск с юга – окружить и уничтожить противника в районе СОЛЬЦЫ, СИТНЯ и к исходу 14.7 выйти на рубеж: ВИДОНИ, ЗАМУШКА, БОРОВИЧИ.

Красноармейцы в освобожденных Сольцах. 1941 г.

4. Авиация основными силами истребителей прикрывает

перегруппировку и занятие исходного положения частями и содействует всеми силами наступлению.

Начало наступления по указанию командующего 11А».

После согласований, вечером 13 июля командующим 11-й армии генералу П.П. Собенникову и 27-й армии генералу Н.Э. Берзарину была направлена директива № 010 о начале контрудара. А 14-го две группы войск (северная и южная) при поддержке более 230 самолетов перешли в наступление.

Из состава северной группировки 21-я танковая и 237-я стрелковая дивизии наступали с рубежа Городище и Уторгош в юго-западном направлении – на Бараново и Ситню, а 70-я стрелковая дивизия в южном направлении – на Сольцы. Кроме того, с востока на Сольцы наступала 1-я горнострелковая бригада.

На соединение с ними в северном направлении, из района Дно на Ситню, наступала 183-я стрелковая дивизия 27-й армии.

Внезапность сыграла свою роль. Контрудар советских войск оказался неожиданным, в окружение попали главные силы 8-й танковой дивизии генерала Бранденбергера. А 3-я моторизованная дивизия генерала Яна оказалась в затруднительном положении.

Сам факт, что фельдмаршалу Манштейну пришлось вроде как оправдываться в своих мемуарах, говорит о многом: «15 июля на КП командира корпуса, находившийся на Шелони западнее Сольцы, поступили малоутешительные до-

несения. Противник большими силами с севера ударил во фланг вышедшей на реку Мшага 8 тд и одновременно с юга перешел через реку Шелонь. Сольцы – в руках противника. Таким образом, главные силы 8 тд, находившиеся между Сольцами и Мшагой, оказались отрезанными от тылов дивизии, при которых находился штаб корпуса. Кроме того, противник отрезал и нас и с юга большими силами перерезал наши коммуникации. Одновременно продвигавшаяся дальше к северу 3 мд была у Мал. Утогорж атакована с севера и северо-востока превосходящими силами противника.

Было ясно, что цель противника заключается в окружении изолированного 56 тк. Так как на нашем правом фланге не следовала уступом дивизия СС “Тотенкопф”, ему удалось форсировать Шелонь силами, находившимися на нашем южном фланге. Одновременно отвод 41 тк с Лужского шоссе освободил там значительные силы противника, которые и атаковали наш северный фланг.

Нельзя сказать, что положение корпуса в этот момент было весьма завидным. Мы должны задаться вопросом, не шли ли мы на слишком большой риск, недооценив под влиянием своих прежних успехов противника на нашем южном фланге?.. В сложившейся обстановке не оставалось ничего другого, как отвести через Сольцы 8-ю тд, чтобы уйти от угрожавших нам клещей. 3-я мд также должна была временно оторваться от противника, чтобы корпус вновь мог получить свободу действий. Последующие несколько дней были кри-

тическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения... Несмотря на это, 8-й тд удалось прорваться через Сольцы на запад и вновь соединить свои силы. Все же некоторое время ее снабжение обеспечивалось по воздуху. 3-й моторизованной дивизии удалось оторваться от противника, только отбив 17 атак».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.